

Оглавление

- Предисловие · 9
- Предисловие к русскому изданию · 12
- Введение · 15
- Глава 1. Диагноз для власти
демократии · 23
- Глава 2. Подъем демократии · 57
- Глава 3. Признать дезориентирован-
ность демократии · 91
- Глава 4. Найти свои ориентиры:
фатальность, выбор и понимание · 125

*Посвящается
Анастасии*

Предисловие

ЭТО ОЧЕНЬ маленькая книга об очень большой теме. Я набрался смелости напрямую обратиться к этой теме, потому что Йель оказал мне честь и пригласил прочитать Стимсоновскую лекцию и я счел нужным в ответ подвести итог, настолько четко и ясно, насколько мог, двум десятилетиям размышлений о распространении демократии во всех смыслах этого слова по всему миру. Этот опыт был не всегда приятным. В одних местах переход к демократии был духоподъемным, в других — приводил в отчаяние. Одни его последствия были благотворными. Другие таковыми явно не были. Было бы очень приятно думать, что благотворные последствия были совершенно естественными и легко предсказуемыми, а вредоносные стали неожиданностью и были вызваны целенаправленным злоупотреблением термином или концепцией или совершенно ошибочным пониманием того, что он подразумевает. Сегодня было бы очень глупо верить в такого рода вещи. В этой книге я пытаюсь показать, как отличить политическую силу этой категории, которую можно использовать в борьбе за то, чтобы создавать и пересоздавать нашу совместную жизнь, от ее крайне ограниченной способности прояснять наш политический выбор. В этой силе нет ничего иллюзорного или плохого, но она оказывается слишком критической и ограниченной в качестве

основы для легитимации даже в борьбе со слабыми противниками. Эта категория не обладает достаточной когнитивной силой перед лицом потребности судить, выбирать или защищать свои суждения и выбор. Мы уже какое-то время не слишком удачно совместно судим или выбираем. Едва ли мы будем судить или выбирать лучше, пока не поймем, почему так произошло.

Сколько бы мала ни была эта книга, я накопил много долгов во время работы над ней. Я хотел бы поблагодарить за великодушную помощь коллег и друзей, в особенности в последние годы в Кембридже, в Королевском колледже (в частности Стефана Элфорда) и на факультете политологии и международных отношений (больше всего Эндрю Гэмбла и Данкана Келли). Это во многом книга для Йеля, который на протяжении многих десятилетий не раз был для меня радушным и гостеприимным домом и где у меня много дорогих друзей, с некоторыми из них я дружу уже очень давно, как например с Джимом Скоттом, Иэном Шапиро и Дэвидом Бромвичем; с другими я познакомился в других местах, например с Сильвией Фаррар; а третьих встретил совсем недавно, как, например, Каруну Мантену, Брайена Гарстена, Френсиса Розенблюта и Татьяну Нейманн.

Самый большой интеллектуальный долг, связанный с этой книгой, восходит к очень далеким временам и прежде всего к тем людям, у которых я учился (в особенности к Мозесу Финли) или с кем интенсивно размышлял и преподавал в течение долгого времени, в особенности с несравненным Иштваном Хонтом (трагически ушедшим от нас навсегда), Рэймондом Гойссом и, еще раньше, с Квентином Скиннером. Я также многим обязан тем, кто разделяет мой интерес к судьбам демократии, в частности Су-

дипте Кавираджу, Сунилу Хилнани, Адаму Пшеворскому, Ричарду Бурку, Такаши Като, Такамото Ханцаве и покойным Каниши Фукуде и Гильермо О'Доннеллу. Больше всего из-за моей книги, как всегда, страдали мои дочери, и они должны сами оценить страдания и простить меня, если смогут. Иэну Шапиро я благодарен за его неиссякаемое гостеприимство, возможность прочитать эти самые лекции, за не одно счастливое пребывание в Йеле и множество замечательных бесед из вечера в вечер.

Больше всего я обязан завершением этой книги Анастасии Пилявской, придавшей мне воли и сил закончить ее в очень сжатые сроки и сделавшей все возможное, чтобы устранить из книги всевозможные недостатки, за большинство из которых я упрямо цеплялся. Я горячо надеюсь, что ее мужество, интеллектуальная смелость, прозорливость, жажда справедливости и необыкновенная энергия придут на помощь мне еще не раз.

Я благодарен за поддержку и помощь *Yale University Press*, в особенности Уильяму Фрахту и Джайе Чаттерджи, Кейт Девис за тактичную редактуру и за два вдумчивых и критических отзыва, которые издательство заказало своим экспертам. В одном указывалось, что мне следует написать вместо этого более полный и более продуманный разбор очень большой темы, к которой я здесь обращаюсь. Я решил не делать этого, потому что это сбило бы фокус и ослабило воздействие той идеи, которую я здесь пытаюсь донести. Второй отзыв, продемонстрировавший глубокое понимание ее духа, включал продуманные критические замечания политического характера и заставил меня развить и углубить мою мысль. Я еще какое-то время буду обдумывать свой ответ на него.

Предисловие к русскому изданию

ЭТА книга была адресована в первую очередь привилегированной американской аудитории, что без труда заметит внимательный читатель. Ее содержание, однако, не предназначено для какого-то конкретного круга читателей. Книга рассчитана на всех тех, кто задумывается об опасностях, присущих политике, и о спектре возможностей, которые она предлагает в любой точке мира. Цель этой работы — показать, как идея демократии касается и не касается этих опасностей и возможностей. Я хочу обратить внимание читателей на то, какой уникальной силой обладает демократия в языке мировой политики, и на колоссальную неясность того, что она позволяет нам выразить. Эти две черты демократии тесно взаимосвязаны. То, что дало демократии такую политическую силу в современном политическом понимании и конфликтах, также делает ее уникальной по своей коварности категорией для суждений о политике, независимо от места и времени.

Когда-то демократией называлась конкретная форма политического устройства. Сегодня ясность и определенность этого обозначения утрачены; вместо этого под демократией стали понимать основы для претензий на власть — оправданной, но без «Божией благодати» — в любой стране мира. Претензия на право править сегодня предопределяет стабиль-

ность любого значимого общества, особенно такого, где жизнь формируется аппаратом государства на подконтрольной ему территории.

В любом современном обществе значимость и восприятие демократии зависят от истории его страны и от языка, на котором эта история была описана и дошла до нас. Очевидно, что в России, Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве демократии придают различную значимость и по-разному ее воспринимают. В мятежном 1917 году в России демократия была для многих синонимом не стабильности повседневной жизни, а анархии и хаоса. Когда большевики взяли власть, которая просто валялась под ногами в том роковом октябре, это было сделано от имени народа, но явно не самим народом. Правящая партия с ее демократическим централизмом имела достаточно очевидный центр, но не давала слова народу, от имени которого правила. Она не испытывала большого уважения к этому народу и еще меньше доверяла его политическим суждениям.

Те, кто сегодня пришел к власти на смену этой партии, выказывают не больше уверенности в политических суждениях своего народа; однако их власть основана на регулярном выражении народом своих предпочтений, которым, впрочем, не позволяют заходить слишком далеко. Делая это, власть предрежащие платят свою дань силе демократии как политической категории. Эта дань более показательна с точки зрения глобальной истории политического языка, чем с точки зрения достоинств или беспардонности его применения к правительству России или любой другой страны. Демократия — неподходящее слово для описания какого-либо политического устройства, поскольку оно слишком метафоричное и чересчур льстивое, чтобы отражать практические качества любого правительства; в самой категории демокра-

тии нет ничего такого, что сможет гарантировать или оздоровить работу любого реального правительства.

Хорошим или плохим правительство делают его действия или бездействие. Из текста конституций или из формальных процедур, посредством которых правительства набирают свой персонал или избавляются от него, невозможно узнать о личной безопасности и свободе граждан, преуспевании или бедствовании любого сообщества. Как бы ни обстояли дела в те эпохи, когда люди занимались лишь охотой и собирательством, современным обществам нужны правительства. Как бы незаменимы ни были правительства, все они несовершенны, но одни явно менее совершенны, чем другие. Хорошими или плохими конкретные правительства делают не то, как они приобрели свою власть. Таковыми их делает только то, как они этой властью пользуются и что такое использование означает для личной безопасности и благополучия каждого гражданина их страны. И это может иметь лишь отдаленное отношение к обстоятельствам, при которых нынешние правители оказались у власти.

Таким образом, в любой стране мира граждане отчетливее увидят свою политическую судьбу, если сосредоточатся на том, как правительства влияют на их собственную жизнь, и не будут пытаться интерпретировать это влияние через категорию демократии. Идеологическая мощь этой категории неслучайна, но она отвлекает внимание сегодняшнего мира, когда общество пытается разобраться в своих политических трудностях и понять, как лучше с ними справиться. Эта книга — попытка объяснить эту мощь и помочь всем читателям противостоять отвлекающему воздействию этой мощи. Я надеюсь, что эта книга — для России в той же мере, что и для любой другой страны мира.

Лондон, 19 июня 2015

Введение

В ЗАПАДНЫХ обществах мы сегодня постоянно убеждаем себя в том, как же нам повезло в ряде определенных, но дополняющих друг друга отношений. Хотя сами мы оказываемся заложниками отвратительного неравенства в силу наших индивидуальных судеб, принадлежности к определенным семьям и классам, мы находим успокоение в том, что рассматриваем себя как единую коллективную сущность, которой во многих отношениях выпала счастливая историческая судьба. В какой-то своей части эти чувства, как и лежащие в их основе суждения, вполне разумны. Почти для любого из европейцев было лучше родиться после, а не до Второй мировой войны¹, и также лучше родиться после Второй мировой войны, чем в какой-то неудачный момент до Первой мировой войны². Однако многие из этих наших оптимистических оценок нашего везения, равно как и тесно связанные с ними чувства, являются плодом крайне слабых рассуждений. Основная задача данной книги — показать, как и почему так получилось, и подсказать, как нам начать рассуждать лучше.

1. *Judt T.* Postwar. London: Vintage, 2010.

2. *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford University Press, 1975.

Откуда возникло наше чувство исторического везения, на чем оно основывается насколько прочны эти основания? В первую очередь мы стали считать, что нам повезло, в силу того экономического устройства, благодаря которому и в рамках которого протекает наша жизнь: одни, несомненно, оказываются удачливее всех остальных, но говоря о жизни, мы говорим и везении, а значит, возможно, и о несправедливости³. Во вторую очередь мы ощущаем, что нам повезло с нашим политическим устройством, с которым мы живем, — потому что оно справедливо и достойно — и обеспечивает нам высокий уровень безопасности, опять-таки одним из нас гораздо больше, чем остальным (и в данном случае неравенство оказывается труднее рассматривать как естественное следствие, а не как определенный политический выбор). В-третьих, мы считаем, что нам повезло в силу счастливого (возможно, даже уникального) сочетания нашего политического и экономического устройства и того, сколь простые, дружелюбные и уважительные социальные отношения оно самым естественным образом порождает.

Это экономическое устройство, как нам хочется думать, включает в себя главным образом структуры свободного обмена между людьми, которые со временем превращаются в доходы от капиталовложений. (Не спрашивайте, откуда берется капи-

3. Мнение о том, что жизнь в том виде, в котором она проживается, можно отличить от везения в некоторых ключевых аспектах, занимает центральное место в творчестве Рональда Дворкина (см., например: *Dworkin R. Sovereign Virtue: the Theory and Practice of Equality*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. В этой работе он особенно ярко расходится с: *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press, 1971; *Ролз Дж. Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995).

тал!) Аналогичным образом политические структуры — это структуры свободного самоуправления по-настоящему равноправных граждан, зиждущиеся на столь же свободном индивидуальном выборе, осуществляемом на основе свободного обмена мнениями, граждан, чье равноправие обеспечивается конституционными гарантиями через равноправное голосование на всеобщих выборах. Более древние гарантии личной безопасности и гражданских свобод, с той или иной степенью глубины воплощенные в государственном праве или подробно описанные в конституциях, поддерживают структуры, которые одновременно заслуживают доверия сами по себе и оказываются ценны на других, не менее убедительных, основаниях. Совокупность этих структур, «либеральная демократия», как ее многие теперь называют, не обеспечивает каждого всем, чего бы он ни пожелал, поскольку у людей по-прежнему разные вкусы и предрассудки и никакое политическое устройство не в состоянии удовлетворить их все и всегда, тем более оно не гарантирует, что они всегда будут удовлетворяться. Но можно вполне достоверно сказать, что в течение последних двух третей столетия такого рода сочетание политического и экономического устройства предложило подобные основания для удовлетворенности бóльшему количеству людей на бóльших территориях, чем любые другие устройства прежде. Почему же мы не должны думать, что оно и дальше продолжит это делать все сильнее и шире, насколько хватает глаз?⁴

4. *Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London: Hamish Hamilton, 1992; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004; Fukuyama F. The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. London: Profile, 2011; Фукуяма Ф. Государственный порядок. М.: АСТ, 2015. Dunn J. The Cunning of Unreason.*

Эта оптимистическая оценка была бы верна, если бы выполнялись два условия, и она даже могла бы быть вполне достоверной, если бы мы знали две вещи. Во-первых, нам нужно было бы знать, что этот счастливый исход имеет все необходимое, чтобы продолжаться в пространстве и во времени. (Чтобы мы могли это знать, нужно, чтобы было истинно, что он таковым является, и чтобы у нас были средства, позволяющие нам это с уверенностью установить.) Во-вторых, мы должны были бы своими глазами убедиться, что такой исход дает возможность эффективно справляться с непосредственными проблемами коллективной жизни внутри отдельных стран и в отношениях между ними хотя бы в настоящем. Поскольку ни одно из этих условий убедительно не выполняется, у нас сегодня есть вполне веские основания относиться к этому исходу скептически: не столько как к безмятежной, глубоко проникшей повсюду и самоподдерживающейся тотальности, сколько как к сложной и весьма непрозрачной исторической случайности, отношения внутри которой остаются неустойчивыми, уязвимыми и все время полными опасностей⁵.

Главное суждение, лежащее в основе данной книги, — острая потребность для жителей богатых западных стран научиться более четко отличать (преимущественно) счастливую случайность от волшебной формулы, с катастрофическими последствиями проецируемой из недавней истории существующих демократий. Их неспособность это сделать указы-

London: HarperCollins, 2000. *Dunn J.* Capitalist Democracy: Affinity or Beguiling Illusion? // *Daedalus* 136. № 3. 2007. P. 5–13. *Dunn J.* Democracy and Its Discontents // *National Interest*. № 106. March-April 2010. P. 54–63.

5. *Dunn J.* The Cunning of Unreason.

вает на невысокий уровень политического понимания. Перед лицом экологического упадка, малоизвестной угрозы климатического дисбаланса, всевозможных политических и экономических перекосов в системе международной торговли и финансов и растущей дисфункциональности, от которой страдает политика всех ведущих демократических государств и их общие институты, эта вера в прямую очистительную силу нашего понимания демократии представляется крайне необоснованной.

Что по-настоящему важно в политических идеях, так это то, что происходит с ними и благодаря им в политической практике. Нет другого такого слова во всей истории человеческой речи, с которым и посредством которого произошло бы больше, чем со словом *демократия*. Даже слово *Бог* не может с ним сравниться, хотя уже давно слова, обозначающие Бога или богов, все труднее переводить с одного языка на другой. Как бы то ни было, в западных странах, а теперь, вероятно, и по всему миру, одним из важнейших предварительных условий для улучшения способности к политическим суждениям является признание того, что в последнее время произошло со все еще таким харизматическим, но почти никогда ничего не проясняющим словом, как *демократия*, и благодаря ему.

В этой короткой книге я попытаюсь более четко показать контуры всех тех процессов, которые сами по себе невероятно сложны и ставят в тупик, но которые тем не менее странным образом объединяет судьба этого уникального слова, многообразные попытки более или менее ясно перевести его на большое число языков и более спорадические попытки понять, что же несет его стремительное распространение людям, попавшим в его орбиту. Почти с любой релевантной точки зрения это единство

неизбежно оказывается обманчивым и фантастичным, но это его нисколько не умаляет. В некотором смысле оно указывает на чары, опутавшие политическое воображение. В этом случае самая насущная проблема, которую такое единство ставит перед историками и социологами, и, возможно, даже перед философами, теологами и экологами, — понять действие этих чар: ухватить механизм, который сделал это слово столь эффективным там, тогда и в той мере, в которой оно оказалось эффективным.

Это вызов для академической науки, и, конечно, для одних дисциплин он оказывается более актуальным и закономерным, чем для других. Кроме того, сегодня это вызов, который оказывается не способна принять даже политическая наука, больше всего заинтересованная в этом дисциплина. Но у большинства из нас попросту нет выбора, за исключением тех случаев, когда мы благополучно и благоразумно игнорируем политику в ее устрашающем единстве из-за отвращения, равнодушия или бездумной невосприимчивости к тому хаосу, который она может породить в нашей жизни. Рано или поздно в жизни большинства взрослых людей эта бездумность будет безвозвратно утрачена, и могут потребоваться десятилетия для того, чтобы нечто похожее на нее снова стало нам доступно. Сегодня любой из нас, кто может услышать звуки этого хаоса и ужаснуться услышанному, в своих суждениях о том, на что надеяться, чего бояться и какой образ действий избрать, исходя из этих суждений, должен увидеть, что случилось с этим могучим потоком слов и посредством него. Только разглядев это, мы сможем надеяться судить хоть сколько-нибудь серьезным и нереактивным образом о том, каким нашим политическим институтам и практикам можно доверять и как

научиться лучше отличать их от того, доверять чему было бы абсурдно или даже самоубийственно. Неудивительно, что фраза «Не доверяйте государям» часто оказывалась мудрым советом. Насколько больше доверия (и какого рода доверия) должны мы оказывать демократии как политической идее или специфической форме правления?

Как бы то ни было, в политической практике демократия — идея, которая постоянно колеблется между легковерием и паранойей. Но почему она оказалась столь шаткой и как нам научиться удерживать ее между этими полюсами?

Для начала можно провести более четкое различие между теми формами, в которых демократия фигурировала в этой запутанной истории. Во-первых, просто в качестве слова; во-вторых, как идея или сборка идей, которую стало обозначать одно слово по мере того, как они распространялись по миру. В-третьих, в качестве популярного у большинства из тех, кто сегодня пользуется этим словом, значения, отсылающего к целому ряду государственных форм и связанных с ними институтов, которые присваивают себе это слово в качестве титула и полагают, что обозначаемой им идеи достаточно, чтобы санкционировать свой авторитет. У каждой из этих форм своя история. Каждая сегодня непрерывно указывает на две другие и потому постоянно испытывает на себе воздействие их траекторий. Ни одна из них не может предложить наиболее выигрышной точки, с которой можно изучить и охватить целое. Чтобы яснее это увидеть, мы должны продвигаться вперед с большим терпением и с гораздо большей осторожностью.

Диагноз для власти демократии

ПОНИМАТЬ демократию как синоним хорошего управления сегодня совершенно естественно для американцев (и довольно соблазнительно для многих других народов по всему миру). Судя по недавним свидетельствам из высшего света, некоторые американцы даже интуитивно считают, что эта лингвистическая эквивалентность некоторым образом приводит к практической причинности, поэтому если предоставить какой-то очень далекой стране все необходимые структуры для демократии, она автоматически научится хорошему управлению. Когда в этом слове слышат подобный скрытый смысл, возможно, это и говорит о простодушии, но их практическое уравнивание отнюдь не невинно. Так или иначе, всемирный роман с демократией распространил вокруг столько же тьмы и неразберихи, сколько пролил света. У современного политического мира, в котором мы живем, есть некоторое центральное свойство, которое нам никак не удается понять, и отныне трудно не заметить тот факт, что один из основных элементов, порождающих и усугубляющих нашу путаницу, происходит от глубочайшей непрозрачности и нестабильности главной идеи, с помощью которой мы пытаемся сориентироваться.

Главная задача данной книги — прояснить эту непрозрачность и нестабильность. В ней я пыта-

уюсь достичь этой цели, изучив сначала источники сегодняшних притязаний демократии на авторитет, а потом попытавшись идентифицировать процессы, благодаря которым эти притязания пережили столь примечательный подъем. На основании этого я далее пытаюсь указать основные механизмы, посредством которых этот подъем ослабил нашу коллективную способность к политическому суждению. В завершении в книге исследуются все еще имеющиеся у нас возможности, позволяющие снова сориентироваться и научиться не столь пагубно выносить суждения в будущем.

Это откровенно антиамериканская повестка. Что можно в самом начале сказать в ее оправдание, так это то, что ее цели вовсе не антиамериканские и она ни в коем случае не содержит в себе вражды по отношению к народу Соединенных Штатов, великого государства, которое служило путеводной звездой для судеб мира в мое время, государства, которое во времена моего детства, вступив в хрупкий союз с Красной Армией и разбитыми остатками все еще свободной Европы, в самый трудный час сохранило возможность цивилизованной жизни. Потребовалась определенная смелость, чтобы так откровенно обсуждать эти вопросы в более чем публичной обстановке не где-нибудь, а в Йеле. Никто из занимающихся политологией в США не мог не заметить, какое огромное воздействие в течение последних шестидесяти лет оказывали йельские интерпретаторы драмы американской демократии, некоторые из которых до сих пор живы и здоровы и продолжают жить в Нью-Хейвене: Роберт Даль, Чарльз Линдблом, хотя он там больше не живет, Роберт Лейн и Дэвид Мейхью вместе с поколениями более молодых ученых, пошедших по их стопам, некоторых из которых я имею честь

называть своими друзьями. Кроме того, эти вопросы до сих пор подобает задавать под эгидой и в память о Генри Стимсоне, величайшем американском государственном деятеле, стоявшем у истоков послевоенной реконструкции и являвшем собой фигуру, которая в силу своих общественных обязанностей должна была больше, чем кто-либо еще, рассматривать интересы американских граждан в глобальном контексте, в котором до сих пор живут их потомки¹.

Если сформулировать цель данного исследования просто, то она заключается в де-эндемизации (*de-parochialize*) понимания демократии сегодня и завтра — в том, чтобы отделить, насколько это возможно, в этом клубке идеи, которые стал обозначать этот термин, и связанные с ними политические феномены от случайностей местного политического опыта и перенести их в глобальный контекст, который сам этот термин, без всякого сомнения, задействует². Это весьма амбициозный проект. Каждый человек родом из очень узкой и безнадежно эндемической среды и едва ли может надеяться радикальным образом де-эндемизировать что-либо, тем более источник привлекательности единственной могущественной политической формулы в сегодняшнем мире. Единственное относительное преимущество, которое дает любому постановка этого вопроса, связано с чувствительностью к неизбежным опасностям политического эндемизма в тесно взаимосвязанном мире,

-
1. *Morison E. E.* Turmoil and Tradition: A Study of the Life and Times of Henry L. Stimson. Boston: Houghton Mifflin, 1960.
 2. *Dunn J.* The Cunning of Unreason; *Dunn J.* Setting the People Free: The Story of Democracy. London: Atlantic Books, 2005.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru